

УДК 94(47).084-28

Ю.Н. Гусева

**Борьба со «святыми местами» в Волго-Уральском регионе в 1950–1960-е годы
в контексте государственной антирелигиозной политики**

Московский городской педагогический университет, филиал в г. Самаре; j.guseva@mail.ru,

В статье рассматриваются конкретные инициативы и решения партийных, советских органов и Духовного управления мусульман Европейской России и Сибири (ДУМЕС) в отношении неофициально действовавших мулл и т.н. «святых мест» в 1950–1960-е годы. Автор сравнивает имевшие место в иных мусульманских регионах СССР практики борьбы со «святыми местами» и делает вывод о специфике этого противостояния в Волго-Уральском регионе.

Ключевые слова: *«святые места» поволжских мусульман, ДУМЕС, суфизм в Поволжье.*

Article describes specific initiatives of public secretary and Spiritual Muslim Board of European part of Russia and Siberia against holy places and unregistered mullahs in 1950–1960s. The author concludes about specific forms of this struggle in various regions of USSR.

Keywords: *holy places of Volga muslims, DUMES, sufism of Volga region.*

В настоящее время интерес многих исследователей прикован к изучению феномена суфизма в пределах Российской Федерации. Опыт взаимодействия последователей суфийских практик в различных регионах страны, конкретных братств с государством и обществом имеет большое познавательное и общественно-политическое значение. Еще более актуален этот вопрос в применении к среднеазиатскому региону, который граничит с Россией, а также к Северному Кавказу, являющемуся ее составной частью. И если в отношении этих ареалов суфизма уже начата соответствующая исследовательская работа [1–6, 9, 10], то в Волго-Уральском регионе, в местах традиционного распространения ислама и суфизма, этот процесс только начинается [7, 11, 13].

Имеющиеся монографические исследования зачастую не содержат целостной картины, не объясняют специфику деятельности суфийских лидеров (вслед за среднеазиатской традицией в Волго-Уральском регионе они получили наименование «ишаны») как в досоветский, так и советский период. Едва ли не единственная попытка, предпринятая зарубежными исследователями А. Беннигсеном и С. Уимбуш, не может считаться достаточной, взвешенной и объективной в силу ангажированности авторов, в задачу которых входило показать все возрастающую социальную активность братств, ярко выраженную антисоветскую сущность их деятельности [15].

В задачу данной статьи входят изучение и сопоставительный анализ методов, которые применяло государство в отношении «святых мест»¹ в Поволжье, Приуралье в 1950–1960-е годы, в период наиболее активной борьбы с неофициальными религиозными практиками. К числу последних были отнесены следующие элементы, которые так или иначе связаны с суфийским наследием, включены в сферу влияния ишанов. Речь идет о «святых мес-

¹«Святое место» – русскоязычный аналог понятия «овлия, авлия» (от *аулия*, с араб. «святые», «близкие, друзья (Аллаха)»), обозначающий место почитания чего-либо или кого-либо, закрепленное в определенном ритуале и массовом сознании. Зачастую имело непосредственную связь с культом «святых», к которым причислялись суфийские лидеры (ишаны). В свою очередь, суфии нередко делали уже имевшиеся (нередко с доисламских времен) места почитания (могилы, природные объекты) частью своих практик [Подробнее о терминах и самом явлении см.: 9].

тах», муллах, которые вели свою деятельность вне официальных приходов (внеметечные, называвшиеся уничижительным термином «бродячие» муллы).

Почему антирелигиозная политика обрела форму борьбы с «религиозными пережитками» и антисоветскими элементами, к числу которых относились «бродячие муллы», культы «святых» и «святых мест»? По нашему убеждению, это было связано с идеологическими установками, т. е. являлось попыткой внушения массам, что с религией покончено и осталось уничтожить только последние, доживающие свой век атавизмы. С другой стороны, советское законодательство о культах, жестко регламентирующее порядок в религиозной сфере, носившее запретительный характер, в предшествующий период сделало все, чтобы поставить вне закона культовые практики, не желавшие или не имевшие возможности войти в это формализованное поле. С учетом военной «религиозной оттепели» число верующих или причислявших себя к таковым не могло не увеличиться, а кроме того, создавалась благодатная почва для расширения поля деятельности не только официального духовенства, но и внецерковных (в нашем случае – внеметечных) религиозных общин и духовных лидеров.

В послевоенный период на Средней Волге сохранилось единственное заметное поселение, где практиковали накшбандийские ишаны – село Благодаровка (Хусаиново), на границе Куйбышевской области и ТАССР. Ишаны В. Сабилов, Г. Мулюков, И. Яхин были продолжателями традиций т.н. курманаевского (кизлявского¹) суфийского центра [11, с. 143–150].

Рассмотрим, как данная антирелигиозная кампания выглядела в случае с благодаровскими ишанами. В качестве составных частей кампании по борьбе со «святыми местами», развернувшейся в мусульманских районах, входивших в юрисдикцию Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири (ДУМЕС), можно обозначить следующие:

1. Вынесение официальных постановлений, решений, которые получали одобрение со стороны светских и духовных учреждений.

2. Ведение разъяснительной работы с духовными лидерами и членами приходских советов, в результате которой верующие должны были добровольно отказаться от «антисоветской» деятельности.

3. Сбор информации и своеобразная «информационная война», развернувшаяся в прессе и среди ряда советских ученых, с целью формирования соответствующего общественного мнения.

4. Силовой нажим и меры административного воздействия, которые подключались на последнем этапе, если увещевания и разоблачения не дали адекватного результата.

Официальные органы, которые были участниками «сражения» – это Совет по делам религиозных культов, его Уполномоченные на местах и ДУМЕС. Уже 29 апреля 1944 года было выпущено Постановление №242 Наркомата финансов СССР о том, что неофициальные муллы подлежат обложению подоходным налогом. 26 сентября 1951 года увидело свет предписание Совета министров БАССР исполкомам райсоветов, в котором была обозначена проблема активизации незарегистрированных групп под руководством «бродячих мулл», особенно в дни религиозных праздников. В связи с этим предлагалось запретить устраивать молитвенные собрания там, где нет мечетей (на кладбищах, под открытым небом, а также на дому у верующих), «служителям, не имеющим на это соответствующего разрешения» от Совета по делам религиозных культов» [7, с.272]. Аналогичные решения были приняты на уровне Уполномоченных областей Поволжья.

Заключительным аккордом, увенчавшим антирелигиозные усилия властей в этом отношении, стало Постановление Совета по делам религиозных культов от 10 декабря 1958

¹Курманаево (Кизлеу) – ныне село в составе Бурметьевского сельского поселения Нурлатского района Республики Татарстан.

года «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам». Оно стало программным документом, который намечал основные этапы противодействия не-системным (с точки зрения властей) религиозным явлениям: выявление, разоблачение, разъяснение и предупреждение руководителей, и, собственно, ликвидация¹.

В секретном циркулярном письме центрального Совета от 23 марта 1959 года, раскрывавшем основные положения Постановления, значилось буквально следующее: «Руководители Духовного управления мусульман выразили согласие содействовать прекращению паломничества к так называемым «святым местам». По рекомендации Уполномоченных Совета, Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) издало специальное толкование /фетву/ по этому вопросу, Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) – обращение к верующим, Духовное управление мусульман Закавказья – специальное постановление. Во всех этих документах религиозные центры разъясняют, что поклонение «святым местам» противоречит догматам мусульманской религии, а надежда на «исцеление от болезней», пророчества и т. п., являются обманом» [Цит. по: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-4089. Оп.1с. Д.31. Л.34].

В феврале 1959 года столичный Совет высказал свое согласие на рассылку обращения ДУМЕС по вопросам паломничества к «святым местам» и рекомендовал муфтияту издать более расширенное толкование (фетву), подобное тому, которое издало САДУМ [Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф.4732. Оп.1. Д.22. Л.25].

Важно подчеркнуть, что власти особо обращали внимание на внешнюю легитимность проводимой ею антирелигиозной кампании: все эти меры должны были опираться на поддержку других элементов общества – духовных управлений (как выразителей интересов верующих) и основной массы населения. И те, и другие должны были одобрить («выразить согласие содействовать») проводимую работу по ликвидации «святых мест» и паломничества к ним [ЦГАСО. Ф.Р-4089. Оп.1с. Д.31. Л.33–35].

Таким образом, решения с подачи компетентных органов вызревали в партийных кабинетах, затем обсуждались в советских учреждениях и обретали форму распоряжений для Уполномоченных. Они, являясь проводниками воли центральной власти, «рекомендовали» муфтиятам принять то ли иное решение по данному вопросу. Очень любопытной ремаркой является объяснение Уполномоченного по Куйбышевской области в ситуации с разоблачением и удалением от должности одного из ишанов Благодаровки: «я счел нужным отстранение муллы Яхина Ибрагима провести через духовное управление мусульман, имея в виду, что меньше будет недовольства к советским органам» [ЦГАСО. Ф.Р-4089. Оп.1. Д.32. Л.68].

В мае-июне 1961 года на совещании духовенства в Уфе, созванном по примеру САДУМ, обсуждались различные вопросы религиозной жизни. Ишанизм, «святые места» и паломничества к ним, по мнению совещавшегося духовенства, являлись проявлениями «исламского язычества»: муфтий Хиялетдинов выступал с объяснением «распространенных хурафатов /схуластик/ от имени религии, таких, как ишанизм, гур садакасы, дэвер»² [ЦГИА РБ. Ф.4732. Оп.1. Д.25. Л. 29, 31].

Решения совещания были оформлены в виде фетвы, утвержденной ДУМЕС 18 июня 1961 года. В ней еще раз констатировалось, что «...некоторые излишества и языческие обряды, созданные безответственными личностями мусульманского мира, широко рас-

¹Итогом уже начавшейся работы Совет называл закрытие к концу 1958 года тридцати «святых мест» в Узбекской и Таджикской ССР.

²Хорафат (хурафат) – суеверие, предрассудок (с тат.). Гур садакасы («могильная милостыня») состояла из какой-нибудь живности, чаще всего овцы, которую передавали мулле до того, как опустят покойника в могилу. Давра (дэвер, фийа) – «выкуп грехов» покойного.

пространены среди мусульман: почитание могил /аулия и изге/, наговоры, талисманы...».

Что подпадало под определение «излишеств и языческих обрядов»?

- 1) «Святые места» и паломничество к ним.
- 2) Сюннатами (обычными ритуальными обрядами) объявлялись жертвоприношение в день Курбан-байрам и обрезание. При этом в первом случае духовный глава волгоуральских мусульман ссылается на аналогичное заключение муфтия САДУМ Зияутдина Бабахана [14, с.69], а во втором – на авторитет книг: «указания о том, что необрезанные не являются мусульманами в книгах основополагающих мною не встречено и такого заключения быть не может». Лицо, проводящее обрезание, должно иметь врачебное разрешение.
- 3) Громкий такбир «оскорбляет Коран» и превращает действие в религиозную демонстрацию, что противоречит советскому законодательству.
- 4) Запрет и осуждение «бродячего сбора» средств по домам верующих, что практикуется в официальных религиозных объединениях. «Шариат строго осуждает попрошайничество» и ДУМЕС «категорически запрещает проводить эти сборы (во время наречения имен, бракосочетания) среди верующих».
- 5) Запрет на посещение несовершеннолетними мечети.
- 6) В незарегистрированных мечетях джумга (пятничная молитва) считается неправильной [ЦГИА РБ. Ф.4732. Оп.1. Д.25. Л. 66–74; часть документа опубликована: 7, с. 309–310].

В приложении к протоколу имеются тексты выступлений с мест. Ярулла Юсупов, мухтасиб мусульман, проживающих в Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской и Тамбовской областях, в своем выступлении приветствовал борьбу со «святыми местами»: «В последние годы в Узбекистане, Азербайджане, Башкирии, Татарии и некоторых городах распространился культ так называемых святых, ишанизм, аулии и т. д., совершались паломничества на их могилы... Вы (муфтий Хиялетдинов. – Ю.Г.) своим решительным выступлением и указаниями ликвидировали эти языческие обряды и излишества, внесенные в ислам невежественными личностями с целью вымогательства материальных средств паломников /бидгат и хорафат/, – за что приносим юбиляру нашу искреннюю благодарность» [ЦГИА РБ. Ф.4732. Оп.1. Д. 25. Л. 84].

Если сравнивать с аналогичной кампанией, развернувшейся ранее в Средней Азии, где «вредными пережитками» считались: ношение паранджи, «подавание рук муршидам и ишанам», паломничество к могилам «святых» (зийарат), «коллективные чтения Корана в домах (хатм-и Куран), обрезание, давра, жертвования (вакуф) в пользу чтецов Корана, часть торжеств по случаю рождения ребенка и обычаев поминального цикла – можно отметить их явное типологическое сходство [4, с.170–184]. Подобная по содержанию фетва была выпущена в 1960-х годах муфтием Северного Кавказа и Дагестана М.-Х. Курбановым [12, 15, р.41].

Итак, ДУМЕС, как и другие муфтияты, находясь в зависимом положении, было вынуждено поддержать инициативы центральной власти в отношении «ишанизма», «святых мест» и «бродячих мулл». Вышеприведенные данные свидетельствуют, что А. Беннигсен и С. Уимбуш заблуждались, говоря о том, что «два Духовных управления – в Уфе и Баку, не принимали участия в кампании против суфиев» [15, р.40–41].

При создании соответствующих фетв за основу был взят опыт Средней Азии: фетвы выпускались хронологически позднее, содержали аналогичные или типологически схожие элементы. Отнюдь не случайно на совещании в Уфе в 1961 г. присутствовал Зияутдин Бабахан, который имел большой авторитет в поволжских духовных кругах [14]. И хотя по верному замечанию Б. Бабаджанова, фетвы САДУМ многими богосло-

вами воспринимались как государственная точка зрения, необязательная для исполнения, сама позиция Управлений является весьма показательной [5, с. 170–184].

Еще один важный блок «борьбы с пережитками» включал в себя, говоря современным языком, средства информационной войны и мероприятия культурно-просветительского плана. Меры законодательного прессинга в отношении ишанов и «святых мест» должны были быть поддержаны массой населения. Для этого нужно было создать выгодный информационный фон, который бы приводил к единению усилий партии и народа. Воздействие шло несколькими путями, через: 1) статьи в местной прессе; 2) индивидуальное воздействие на духовных лидеров и их родственников.

С подачи партийных и советских органов в 1950-е годы в прессе развернулась кампания по дискредитации деятельности ишанов, «бродячих мулл», «святых мест» и целительства. 4 июня 1959 года куйбышевская газета «Волжская коммуна» публикует статью с говорящим названием «О причинах живучести сектантства», в которой в полном соответствии с официальной точкой зрения партийных и советских органов основной причиной сохранения религиозного «дурмана» назывались недостатки антирелигиозной пропаганды. В фельетонах «Под белой чалмой», «Заклинатель змей», опубликованные в «Волжской коммуне» в 1959 г., описывалась возмутительная деятельность «антисоветских мусульман-сектантов» и целителей. Подобные материалы щедро подпитывались официальной пропагандой и научными изысканиями по данной тематике [См.: 8].

Другая линия влияния – «проработка» духовных лидеров и активных верующих. Эту работу проводил Уполномоченный Совета, который регулярно вызывал «на ковер» всех руководителей религиозных общин, уделяя особое внимание «проблемным» людям. «Во время регистрации Яхина мною (уполномоченным П. Алексиним. – Ю.Г.) он был предупрежден о незаконных действиях бывших мулл – Мулюкова и Сабирова, которые проповедовали «ишанизм», кроме того мною Яхин был предупрежден о прекращении паломничества к могиле Сабирова» [ЦГАСО. Ф.Р-4089. Оп. 1. Д.32].

Итак, советские и партийные органы, соотносясь с заключениями МГБ (КГБ), давали Духовным управлениям «рекомендации», которые носили характер приказов. Муфтияты, в свою очередь, под флагом борьбы с непозволительными излишествами и наслоениями («ибадат», «бида») формулировали и обнародовали заключения-фетвы по указанным вопросам. Эти фетвы писались в строгом соответствии с мнением светских органов власти и, с нашей точки зрения, могли иметь поддержку со стороны официально утвержденного духовенства по ряду причин. К числу таковых можно отнести как причины материального характера, так и нежелание терять контроль над паствой, а равно и расположение и патронаж со стороны центральных органов власти. Последнее в данных исторических условиях было равносильно самоубийству.

Если Средняя Азия была «стартовой площадкой», полем эксперимента, откуда инициативы в слегка урезанном виде переносились на реалии Волго-Уральского региона, то Северный Кавказ представлял собой наиболее сложный регион в силу специфики организации суфийских братств и слабости позиций официального исламского истеблишмента. Этим, по нашему мнению, можно объяснить и хронологию, и разработанность, и форму антисуфийской политики советского государства.

В определенной степени можно говорить о совпадении интересов светских и религиозных официальных структур: для первых – это была реальная возможность уничтожить еще один из механизмов передачи религиозной традиции, наиболее неформализованный, а потому особенно важный; для вторых – это элемент «очищения» религиозных практик от доисламских наслоений (с которыми очевидно были связаны «святые места»). Однако, с нашей точки зрения, вряд ли стоит считать успешной деятельность ДУМЕС в этом направлении. В перспективе это еще больше усилило восприятие его

как придатка государственной машины, а также поддержало светскую составляющую общественной жизни.

Литература

1. *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 1999. – № 127.
2. *Акаев В.Х.* Тарикат накшбандийа в Дагестане и его религиозно-политические трансформации // Исламоведение. – 2010. – №3.
3. *Бабаджанов Б.М.* Возрождение деятельности суфийских групп в Узбекистане // http://www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_22_babajanov
4. *Бабаджанов Б. М.* О фетвах САДУМ против «неисламских обычаев» // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри/ под ред. А.Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.
5. *Бабаджанов Б. М.* К вопросу о восприятии статуса суфийского шайха (на примере Хаджа Ахрара) // Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. Сб.ст. в честь В.В. Наумкина. – М., 2005.
6. *Гусейнова М.Р.* Источники суфизма в Дагестане // Государство и религия в Дагестане: информационно-аналитический бюллетень. – № 1(4). – Махачкала, 2003.
7. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений, распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI вв. /авт.-сост. А.Б. Юнусова; археограф Ю.М. Абсалямов. – Уфа: ГУП РБ УПК, 2009.
8. *Климович Л.И.* Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып.2. – М., 1966.
9. *Магомедова З.А.* Дагестанские накшбандийские шейхи XIX в. // Исламоведение. – 2011. – № 2.
10. *Макатов И.А.* Культ святых в исламе (на материалах Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР) // Вопросы научного атеизма. – М., 1967.
11. *Миннуллин И., Минвалеев А.* Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы // Эхо веков (Гасырлар авазы). – 2007. – № 1.
12. *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.); автореф. дис. ... д.и.н. – Махачкала, 2009.
13. Суфизм как социокультурное явление в российской умме: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань (21 ноября 2006 г.) / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. – Нижний Новгород, 2007.
14. *Усманходжаев А.* Жизнь муфтиев Бабахановых: Служение возрождению ислама в Советском Союзе. – М.–Нижний Новгород, 2008.
15. *Bennigsen A., Wimbush S. Enders.* Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. – London: C. Hurst & Company, 1985.

Поступила в редакцию 14 октября 2012 г.